

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 106–113.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 4 (85):106–113.

Научная статья
УДК 821.111-31.09"18"
DOI 10.37724/RSU.2024.85.4.012

Личность Д. Г. Байрона в восприятии О. Уайльда: к постановке проблемы

Ольга Михайловна Валова

Вятский государственный университет, Киров, Россия
usr09478@vyatsu.ru

Аннотация. Байрон и Уайльд — знаковые фигуры XIX века. В статье изучается вопрос, как личность Байрона была воспринята Уайльдом, одним из выдающихся представителей культуры «конца века». Первый сборник стихотворений Уайльда напомнил окружающим в числе прочих поэтов-предшественников творчество Байрона, XX век выявил увеличение внимания к сопоставлению личностей обоих писателей. В статье рассматривается вопрос об истоках интереса Уайльда к Байрону и его произведениям, взглядам, обусловленным мнением его матери; изучается образ поэта, представленный в стихотворениях «Равенна» и «Сад Эроса». В обоих текстах образ Байрона связан с темой свободы, волновавшей в ту пору Уайльда и отраженной в его первой пьесе «Вера, или Нигилисты». Интерес Уайльда к Байрону укрепила редакторская работа в журнале «Мир женщины», почитательницы которого интересовались жизнью и творчеством поэта. Внимание Уайльда к Байрону продиктовано также тем, что он стал символом романтизма, а этот метод писатель считал наиболее творчески привлекательным. Со временем вектор интереса Уайльда смещался к личности Байрона; зарубежные исследователи полагают, что отношение к поэту становится связанным прежде всего с гомосексуальностью — с этих позиций пересматриваются и его ранние поэтические произведения, и роман «Портрет Дориана Грея», в котором видятся связи образа Дориана с Байроном. В заключении предлагаются общие выводы и перспективы исследования. Материалы статьи могут быть использованы в исследовательских работах, в практике преподавания английской литературы XIX века.

Ключевые слова: Байрон, «Портрет Дориана Грея», «Равенна», «Сад Эроса», Уайльд.

Для цитирования: Валова О. М. Личность Д. Г. Байрона в восприятии О. Уайльда: к постановке проблемы // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 106–113. DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.012.

Original article

G. G. Byron's personality in the perception of O. Wilde: problem statement

Olga M. Valova

Vyatka State University, Kirov, Russia
usr09478@vyatsu.ru

Abstract. For the nineteenth century, Byron and Wilde were iconic figures. The present article explores the way Byron's personality was perceived by Wilde, a prominent representative of "turn-of-the-century" culture. Wilde's first collection of poems reminded the readers of Byron's work, among other predecessors; and the twentieth century revealed an increased attention to a comparison of the personalities of both writers. The article deals with the issue of the origins of Wilde's interest in Byron and his works, views conditioned by the opinions of his mother; it studies the image of the poet as presented in the poems *Ravenna* and *The Garden of Eros*. In both texts, Byron's image is connected with the theme of freedom, which excited Wilde at that time and was reflected

in his first play *Vera, or the Nihilists*. Wilde's interest in Byron was strengthened by his editorial work in the magazine *Woman's World*, whose admirers were interested in the life and work of the poet. Wilde's attention to Byron was also dictated by the fact that he became a symbol of Romanticism, and the later writer considered this method the most creatively attractive. Over time, the vector of Wilde's interest shifted to Byron's personality; foreign researchers believe that the attitude to the poet becomes connected primarily with homosexuality — from these positions, both his early poetic works and the novel *The Picture of Dorian Gray* are reconsidered, in which links between the images of Dorian and Byron are to be found. The conclusion offers general conclusions and prospects of the study. The materials of the article can be used in research works and in the practice of teaching English literature of the 19th century.

Keywords: Byron, *The Picture of Dorian Gray*, *Ravenna*, *The Garden of Eros*, Wilde.

For citation: Valova O. M. G. G. Byron's personality in the perception of O. Wilde: problem statement. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2024; 4 (85):106–113. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.012.

Введение

2024 год напомнил о двух знаменательных датах великих английских писателей XIX века: 200 лет со дня смерти Д. Г. Байрона и 170 лет со дня рождения О. Уайльда. Байрон (1788–1824) и Уайльд (1854–1900) — знаковые фигуры каждой своей эпохи. П. Фортуна в монографии «Эстетика модерна и культура потребления в произведениях Оскара Уайльда» писал, что такие люди, как Байрон и Уайльд, «находятся в символической связи», поскольку их произведения предлагают для обсуждения категории, обусловленные человеческим мышлением [Fortunato, 2007, p. 109].

Имена Байрона и Уайльда стоят вместе закономерно и потому, что, одаренные литературной гениальностью, осознающие ее, преданные искусству, они были одновременно необузданны в своих страстях. И Байрон, и Уайльд бросали вызов нравам своего времени, активно осуждали консервативные взгляды, пренебрегали общепринятыми нормами и вызывали порицание, оба писали стихи и пьесы, оба являлись мужчинами, чьи жены и дети были ими скандализированы, оба в конце жизни покинули Великобританию и умерли за ее пределами. «Оба они создавали образы, надевали маски, чтобы предстать перед миром и в какой-то мере продать себя», — писал Д. Куинтус (цит. по: [The Wildean, 2011, p. 2]).

В монографии Вл. Лукова и Н. Соломатиной, изучавших автомиф Оскара Уайльда, приведено интересное для нас высказывание Х. Л. Борхеса, которое, наверное, оспорили бы специалисты по творчеству упомянутых в нем писателей: «В целом Байрон для меня поэт второго ряда, но Байрон создал нечто весьма значительное: он оставил образ самого себя. Как и Уайльд, который, пожалуй, интереснее своих произведений» (цит. по: [Луков, Соломатина, 2005, с. 4]). По мнению авторов книги, по отношению к Уайльду это весьма справедливые слова. Оба писателя, как полагают литературоведы и биографы, вызывали особое внимание публики теми масками, которые они на себя надевали, заставляя восхищаться, ужасаться ими, искать истинный облик. В эссе «Критик как художник» (1890) в уста Джилберта Уайльда вложил фразу: «Человек менее всего оказывается самим собой, говоря о собственной персоне. Позвольте ему надеть маску, и вы услышите от него истину» [Уайльд, 1993, т. 2, с. 306]. — “Man is least himself when he talks in his own person. Give him a mask, and he will tell you the truth” [Collected works ... , 1997, p. 1002]. По мнению Дж. Макганна, ни один английский писатель, даже сам Уайльд, не воплотил эту теорию маски так полно, как Байрон (см.: [McGann, 1992, p. 295]).

Поначалу Уайльд напоминал окружающим Байрона в несколько сниженном виде. Так, после выхода «Стихотворений» (1881) Оксфордское дискуссионное общество развернуло спор о ценности текстов, точнее о ее отсутствии, и обвинило Уайльда чуть ли не в плагиате произведений Шекспира, Сидни, Донна, Байрона, Морриса, Суинберна и других (см.: [Эллман, 2000, с. 177; Кпюх, 1994, р. 20]). Э. Дега в 1883 году в разговоре с художником У. Сиккертом охарактеризовал Уайльда как актера, «играющего лорда Байрона в пригородном театре» (цит. по: [Эллман, 2000, с. 253]), в то время как тот искренне интересовался импрессионизмом и пытался раскрыть его ценность своему другу Р. Шерарду. Постепенно сопоставление Уайльда и Байрона становится все более масштабным и глубоким, поднимается до общечеловеческих обобщений.

Интерес Уайльда к личности и творчеству Байрона, вероятно, появился благодаря матери, Джейн Франческе Уайльд (Сперанце), которая была поклонницей поэта, упоминала о нем и его жене в своих работах. Еще одним авторитетом для Уайльда был Мэтью Арнольд, английский поэт и литературный критик, которому летом 1881 года молодой поэт направил свой первый сборник и получил благожелательный отзыв. В нем, в частности, говорилось: «Я вижу, Вы испытали на себе то, на чем так настаивал Байрон: создать свои лучшие творения можно лишь стряхнув с себя лондонскую жизнь» (цит. по: [Эллман, 2000, с. 174]). В 1881 году Арнольд опубликовал сборник стихов Байрона и в предисловии отметил, что он был крупным поэтом, хотя, на его взгляд, не достиг уровня Данте или Шекспира.

В данной статье предпринимается попытка определения особенностей видения образа Байрона, созданного Уайльдом на основе произведений, биографических данных и, очевидно, бытовавших в ту пору сплетен о поэте. В основе статьи лежит подход, позволивший применить биографический, культурно-исторический, герменевтический методы.

Основная часть

В ранних произведениях Уайльда образ Байрона связывался прежде всего с темой политической свободы. В 1878 году творчество Оскара Уайльда было отмечено премией Оксфордского университета «Ньюдигейт» в области поэзии (к слову, учителя Уайльда, Джон Рёскин и Мэтью Арнольд, также становились лауреатами этой премии). Приз был завоеван благодаря поэме «Равенна» (*Ravenna*, 1878), названной в честь города, который был выбран в качестве темы конкурса. Р. Эллман утверждает, что при создании поэмы Уайльд взял за образец «Чайльд-Гарольда» Байрона. В стихотворении из более чем трехсот строк около двадцати Уайльд посвятил поэту-предшественнику, который прославляется не столько как литератор, сколько как политический лидер:

Но, чтобы сокрушить турецкий гнет,
Восстали греки, и не на живот,
А насмерть в их рядах он, как спартанец,
Сражался дерзко. И протуберанец
Посмертной славы яр и златокрыл.
О, Саламин! О, небо Фермопил!
(пер. О. Кольцовой) [Уайльд, 2024, с. 7]

O Hellas! Hellas! in thine hour of pride,
Thy day of might, remember him who died
To wrest from off thy limbs the trammelling chain:
O Salamis! O lone Plataean plain!
O tossing waves of wild Euboean sea!
O wind-swept heights of lone Thermopylae!
[Collected works ... , 1997, p. 913]

Э. Эльфенбейн иронично отмечает, что, возможно, Уайльд очень хотел, чтобы его критические суждения о Байроне звучали подобно веским словам Арнольда, но, как справедливо продолжает исследователь, они также возникли «в более привычном и домашнем контексте» [Elfenbein, 2004, p. 235]. В эссе о Вордсворте мать Уайльда писала, что Байрон был поэтом переходного состояния от сомнения к вере и воплощением своей эпохи. Неудовлетворенные стремления, безграничная тоска человеческого сердца нашли в нем свое полное выражение (см.: [Ibid., p. 235]). Обратим внимание и на то, что леди Уайльд активно боролась за права Ирландии, и тема свободы прочно вошла в раннее творчество Уайльда, что мы видим и в его поэтических сборниках, и в первой пьесе «Вера, или Нигилисты» (*Vera, or the Nihilists*, 1880).

В поэме «Равенна» влияние на Уайльда взглядов матери сказывается также, например, в строках, где он говорит о непреклонности Байрона в его освободительном порыве, несмотря на влияние окружавших его дам, которым не удалось отвлечь поэта от политических идей. Д. Мелвилл, изучавшая биографию и творчество Сперанцы, говорила, что в трактате матери Уайльда о леди Байрон жена поэта представлена лишеной такта, «который мог бы направлять и успокаивать своенравный, бурный и ужасный темперамент гения. “Я не мешаю тебе, Байрон?” — спросила она однажды, войдя в кабинет поэта, когда он работал над своим бессмертным произведением. “Ужасно!” — таков был ответ мужа-поэта; и она это заслужила! У нее не было ни такта, ни тонкого чутья. Она должна была интуитивно понять, что стоит на пути, и скрыться» (курсив наш. — О. В.; цит. по: [The Wildean, 1996, p. 18]). По этим высказываниям, продолжает Д. Мелвилл, становится совершенно ясно, что леди Уайльд считала долгом женщин поддерживать своих мужей и ничего не требовать взамен, довольствоваться радостью самопо-

жертвования. Уайльд и в последующих произведениях проводил идею, что женщины сбивают мужчин с пути, часто лишают их самостоятельности. Величие же Байрона, в числе прочего, — в том, что он не поддавался соблазнам:

Ужель здесь Байрон жил
 Два долгих года, — тот, кто окружил
 Себя весельем, — наш второй Антоний, —
 Устроив Акции в оном бастионе?!
 Однако духом оставался тверд.
 Уловкам женским он, поэт и лорд,
 Не позволял смутить себя нимало,
 И лира звонкая не умолкала.
 (пер. О. Кольцовой) [Уайльд, 2024, с. 7]

Byron dwelt here in love and revelry
 For two long years — a second Anthony,
 Who of the world another Actium made!
 Yet suffered not his royal soul to fade,
 Or lyre to break, or lance to grow less keen,
 'Neath any wiles of an Egyptian queen.
 [Collected works ... , 1997, p. 913]

Исследователи справедливо утверждают, что Байрон здесь ценен для Уайльда поэтическим словом, но «более важна любовь к свободе» (см.: [Рауд, 2006, с. 124]).

О Байроне Уайльд упоминает и в стихотворении «Сад Эроса» (*The Garden Of Eros*, 1881) — здесь также подчеркивается роль освободителя:

Нет, был еще один. Он путеводной
 Звездой для Англии воспрявшей стал
 И торжество республики свободной
 Орлиными глазами прозревал.
 (пер. А. Петровой) [Уайльд]

Save for that fiery heart, that morning star
 Of re-arisen England, whose clear eye
 Saw from our tottering throne and waste of war
 The grand Greek limbs of young Democracy
 Rise mightily like Hesperus and bring
 The great Republic!
 [Collected works ... , 1997, p. 780]

С течением времени отношение к личности и творчеству Байрона у Уайльда менялось, и важным представляется факт, что в ноябре 1887 года Уайльд стал редактором журнала «Мир женщины». За годы работы редактором он обратился за комментариями к выдающимся писательницам Англии, в том числе к Уиде (прозвище Мари-Луизы де ла Раме (1839–1908), бывавшей на приемах леди Уайльд). Эльфенбейн писал, что Уайльд не мог просто пренебречь восхищением Байроном, характерным для женской литературной культуры. В журнале «Мир женщины» не было статей, посвященных исключительно Байрону, но на его страницах содержались различные упоминания о нем (см.: [Elfenbein, 2004, p. 235]).

Еще обучаясь в Оксфорде, Уайльд начал пропагандировать эстетизм, и его истоки следует искать в романтизме. Для Уайльда романтизм — одно из самых значимых литературных направлений, поскольку оно ориентировано на реализацию личностных устремлений, раскрытие внутреннего потенциала, разработку глубинных проблем бытия, исследование сферы искусства (подробнее об этом см.: [Валова, 2020]). Романтический метод Уайльд считал наиболее продуктивным и не раз заявлял об этом в письмах и эссе. В поисках творческого вдохновения взор Уайльда часто падает на писателей-романтиков.

Когда мы говорим об уайльдовских предпочтениях в романтических произведениях, в первую очередь вспоминаются имена Д. Китса, П. Б. Шелли. Нетрудно заметить, что чаще Уайльд с восхищением пишет о поэтическом наследии Китса. Д. Куинтус одно из объяснений видит в том, что «Уайльд почувствовал сильное побуждение отвернуться от Байрона как от литературной и эстетической иконы» и обратиться к Джону Китсу. Китс — лучший пример концепции Уайльда «не только об искусстве, но и о роли искусства в жизни человека» (цит. по: [The Wildean, 2011, p. 10]). Однако Э. Эльфенбейн полагает, что сонет «Могила Китса» (1877) восхваляет и Байрона, наряду со Спенсером, Шекспиром, Шелли и Элизабет Барретт Браунинг. Об этом говорит строчка: «Наш край восславлен красками твоими» (пер. А. Парина) [Уайльд, 2004, с. 87] (“O poet-painter of our English land!” [Collected works ... , 1997, p. 831]). «Будучи национальным и культурным аутсайдером, — пишет Эльфенбейн, — Уайльд использовал свои стихи и эссе для того, чтобы воспринимать английскую культуру как свою собственную» [Elfenbein, 2004, p. 231].

В начале 90-х годов XIX века Уайльд восхищался «неприкрытым себялюбием» Байрона, отмечал его невозможность «до конца осуществить самого себя» («Критик как художник» (*The Critic as Artist*), 1890) [Уайльд, 1993, т. 2, с. 316–317]. Байрон интересовал Уайльда и как личность, и как поэт, и как знамя своей эпохи. Но все больше интерес Уайльда смещался к личности поэта.

Вышеупомянутое высказывание Уайльда в эссе «Критик как художник» полностью звучит так: «Прочитав “Эндимиона”, Вордсворт нашел в нем всего лишь живость языческого мироощущения, а Шелли, который не выносил будничной, повседневной обыкновенности, остался глух к стихам Вордсворта, раздражавшим его своей формой, Байрон же, этот великий страсто-терпец, не сумевший до конца осуществить самого себя, был не в силах по достоинству оценить как поэта, воспевавшего облака, так и того, кто восхвалял озера, и ему осталась недоступна магия Китса» [Уайльд, 1993, т. 2, с. 316–317].

Редактор и комментатор ряда уайльдовских изданий Х. Шредер говорит, что в этой фразе обычно видят «неспособность» Байрона признать гениальность Шелли, Вордсворта и Китса. Шредер подчеркивает, что Байрон никогда не говорил о Шелли ничего пренебрежительного и отзывается как о лучшем из людей, но публично не отдавал должного уважения его творчеству, не разделяя его мировоззрения (см.: [The Wildean, 2011, p. 95]). Здесь Уайльд, очевидно, не зная ряда фактов, дает образ Байрона, сгенерированный его воображением и художественным восприятием.

По мнению Э. Эльфенбейна, написавшего монографию «Байрон и викторианцы», отношение Уайльда к Байрону связано прежде всего с сексуальностью. Ранние произведения, о которых мы уже упоминали, в западном литературоведении рассматриваются и с этих позиций.

Анализируя уже упомянутое стихотворение «Сад Эроса», Д. Куинтус обозначает не только акцент Уайльда на общественной активности Байрона, но и следующее: «Показательно, что рассказчик завершает отрывок сексуальными образами, а в конце с сочувственной улыбкой отмечает пристрастие Байрона к любовным утехам» (цит. по: [The Wildean, 2011, p. 7]):

В Фессалии с тобой он побывал
И девственницы яростной забавы
Делил, когда стрелой наповал
Сраженный вепрь гасил свой глаз кровавый.
Проник он песнью до земных глубин,
И Афродита улыбнулась: мой! Еще один!
(пер. А. Петровой) [Уайльд]

And he hath been with thee at Thessaly,
And seen white Atalanta fleet of foot
In passionless and fierce virginity
Hunting the tusked boar, his honied lute
Hath pierced the cavern of the hollow hill,
And Venus laughs to know one knee will bow
before her still.
[Collected works ... , 1997, p. 780]

Известно, что при чтении «Сада Эроса» студенты часто аплодировали Уайльду, вероятно, за его комментарии: сокурсники представляли, по каким причинам Байрону пришлось покинуть родину. Куинтус подчеркивает, что, безусловно, студенты знали об обвинении Байрона в кровосмешении, которое витало вокруг имени со времен его женитьбы. Викторианцы, особенно тогдашние студенты, интересовались слухами о сексуальных пристрастиях Байрона, и сокурсников писателя взволновала его защита, описание политической убежденности Байрона, его смерть за Грецию, за политические цели, за свободу (см.: [The Wildean, 2011, pp. 5, 6]).

Зарубежные исследователи, прежде всего Э. Эльфенбейн, указывают, что Уайльд ассоциировал Байрона с гомосексуальностью. Доказательства видятся критиком уже в поэме «Равенна». Обратим внимание на строки:

... Дыхание Борей,
Над северными берегами рея,
Британию о нем заставит петь.
И Слендер не посмеет прошипеть
Суждения, приправленного ядом,
О том, чья песнь звенит высоким ладом.
(пер. О. Кольцовой) [Уайльд, 2024, с. 7]

... And England, too, shall glory in her son,
Her warrior-poet, first in song and fight.
No longer now shall Slander's venom'd spite
Crawl like a snake across his perfect name,
Or mar the lordly scutcheon of his fame.
[Collected works ... , 1997, p. 913]

По мнению Эльфенбейна, здесь видится ясное указание на осведомленность о слухах, распространявшихся о Байроне. Элман и Эльфенбейн приводят в своих монографиях следующий факт: к 1890-м годам Уайльд выдвинул гипотезу, что Шелли разорвал дружбу, когда Байрон

предложил ему сексуальные отношения (см.: [Эллман, 2000, с. 438 ; Elfenbein, 2004, p. 237]). Ощущая инаковость и в себе, Уайльд испытывал естественный интерес к этой стороне личности Байрона. К. Нассаар в предисловии к монографии «Вглубь демонической вселенной» писал, насколько меняется творчество Уайльда после его первого гомосексуального опыта в 1886 году. Нассаар доказывает, что произведения приобрели новые качества: Уайльд рассматривал гомосексуальную связь как зло и теперь писал с полным сознанием демонического внутри себя (см.: [Nassaaar, 1994, p. xiii]). (Подробнее о переосмыслении критиками отражения уайльдовских гомосексуальных пристрастий в творчестве см.: [Валова, Решетов, 2023, с. 71–97].)

Эльфенбейн полагает, что в более зрелых произведениях, например в «Портрете Дориана Грея» Уайльда, также есть имплицитно выраженные отсылки к Байрону, отражена личная драма происхождения гомосексуальности. По мнению исследователя, «отцом» натуры Дориана становится образ Байрона, воплощающий бунтарство; с другой стороны, в нем отразился феминизированный образ, который в романе являет биологическая мать, Маргарет Деверо (см.: [Elfenbein, 2004, p. 237]). Далее доказательства связываются Эльфенбейном с тем, что философия лорда Генри сравнивается с вакханкой, вакхическим танцем, и образ почитательницы Диониса вновь появляется, когда герой размышляет о том вакхически-прекрасном, что досталось ему от матери. Дориан особенно похож на Байрона, когда Уайльд говорит об одном из мест его проживания. Приведем фразу, на которую ссылается Эльфенбейн: «Порой, когда он в своем большом доме в Ноттингемшире принимал гостей, светскую молодежь своего круга, среди которой у него было много приятелей, и развлекал их, поражая все графство расточительной роскошью и великолепием этих празднеств, он внезапно, в разгаре веселья, покидал гостей и мчался в Лондон, чтобы проверить, не взломана ли дверь классной, на месте ли портрет» [Уайльд, 1993, т. 1, с. 127]. — “Sometimes when he was down at his great house in Nottinghamshire, entertaining the fashionable young men of his own rank who were his chief companions, and astounding the county by the wanton luxury and gorgeous splendour of his mode of life, he would suddenly leave his guests and rush back to town to see that the door had not been tampered with and that the picture was still there” [Collected works ... , 1997, p. 98]. Использование Ноттингемшира, места расположения Ньюстедского аббатства, выглядит как прямая отсылка к Байрону, каким он изображен в викторианских биографиях.

Заключение

Обращение Уайльда к образу Байрона многопланово: и как к кумиру XIX века, и как спор с его обожествлением, и как вхождение в национальную английскую литературу, и как пример опыта нетрадиционной жизненной позиции. Поэтическое творчество Уайльда свидетельствует, что Байрон привлекал молодого поэта главным образом как борец за ценности политической свободы. Примечательно, что в первой пьесе, «Вера, или Нигилисты», начинающий драматург также обращается к теме свободы, рисует в ней борцов, подобных Байрону, каким он представлен в «Равенне» и «Саде Эроса», показывает, в частности, взаимоисключение личной привязанности и общественных интересов. Изучение параллелей в этих произведениях представляется нам весьма важным, в том числе с точки зрения понимания образа Байрона в вышеназванных текстах. Перспективной видится также более обстоятельное исследование во многом связанной с общественной, личной и творческой свободой темы денди и дендизма Байрона и Уайльда.

У Оскара Уайльда немного прямых высказываний о Байроне, поэтому каждое — объект пристального внимания. Например, известная фраза в *De Profundis* (1897): «Байрон был символической фигурой, но он отразил лишь страсти своего века и пресыщение этими страстями. Во мне же нашло свое отражение нечто более благородное, не столь преходящее, нечто более насущное и всеобъемлющее» [Уайльд, 1993, т. 2 с. 420]. — “Byron was a symbolic figure, but his relations were to the passion of his age and its weariness of passion. Mine were to something more noble, more permanent, of more vital issue, of larger scope” [Collected works ... , 1997, p. 1071]. Д. Куинтус прокомментировал так: «Байрон, по мнению Уайльда, был творением своего исторического периода, который писал о своем окружении и личном опыте, в то время как Уайльд стремился показать своей аудитории новое царство красоты и эстетического восприятия, которое не было привязано к какому-либо временному контексту, а было скорее более духовным и творческим» (см.: [The Wildean, 2011, p. 4]).

Уайльд, несомненно, сравнивал свой гений с гением Байрона и делал выводы «в свою пользу». И, конечно, о многом в силу обстоятельств умалчивал. Опыт анализа произведений Уайльда говорит, что сокровенные мысли писателя можно обнаружить лишь в подтексте произведений. В эссе «Критик как художник» он размышлял, что «творческая работа воображения всегда осознанна и контролируема», «а осознанность — это то же самое, что дух критики» [Уайльд, 1993, т. 2 с. 420]. (“All fine imaginative work is self-conscious and deliberate. No poet sings because he must sing. <...> Believe me, Ernest, there is no fine art without self-consciousness, and self-consciousness and the critical spirit are one” [Collected works ... , 1997, p. 976].) Если руководствоваться этими словами, можно рассчитывать на то, что, используя различные литературоведческие методы и подходы при дальнейшем изучении наследия Уайльда, мы раскроем новые тайны его восприятия личности и творчества Байрона.

Список источников

1. Валова О. М. Литературное творчество романтиков в восприятии Оскара Уайльда // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2020. — № 1 (66). — С. 94–101.
2. Валова О. М., Решетов В. Г. Философия трагедий Оскара Уайльда : моногр. — Киров : Вятск. гос. ун-т, 2023. — 342 с.
3. Луков Вл. А., Соломатина Н. В. Феномен Уайльда : моногр. — М. : Нац. ин-т бизнеса, 2005. — 216 с.
4. Рауд Н. П. Особенности образного строя поэмы О. Уайльда «Равенна» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Филология. Журналистика». — 2006. — № 2. — С. 122–127.
5. Уайльд О. Избранные произведения : в 2 т. / пер. с англ. — М. : Респ., 1993. — Т. 1. — 559 с. ; Т. 2. — 543 с.
6. Уайльд О. Равенна / пер. О. Кольцовой // Баллада Реддингской тюрьмы. — М. : АСТ, 2024. — 256 с.
7. Уайльд О. Сад Эроса. — URL : <https://poperechny.net/stihi/sad-erosa.html> (дата обращения: 05.08.2024).
8. Уайльд О. Стихи : сб. / сост. К. Атарова. — М. : Радуга, 2004. — 384 с.
9. Эллман Р. Оскар Уайльд : биогр. / пер. с англ. Л. Мотылева. — М. : Независимая газ., 2000. — 688 с.
10. Collected works of Oscar Wilde. The plays, the poems, the stories and the essays including De Profundis. — L. : Wordsworth Edition Limited, 1997. — 1098 p.
11. Elfenbein A. Byron and the Victorians. — Cambridge : Cambridge university press, 2004. — 285 p. — URL : <https://archive.org/details/byronvictorians0000elfe/mode/2up> (дата обращения: 05.08.2024).
12. Fortunato P. L. Modernist aesthetics and consumer culture in the writings of Oscar Wilde. — NY ; L. : Routledge, 2007. — 162 p.
13. Knox M. Oscar Wilde: A long and lovely suicide. — L. ; NY : Yale university press, 1994. — 185 p.
14. McGann J. J. Hero with a Thousand Faces: The Rhetoric of Byronism // Studies in Romanticism. — 1992. — Vol. 31, no. 3 “Byron’s Sardanapalus”. — Pp. 295–313. — URL : https://www.jstor.org/stable/25600964?read-now=1&seq=2#page_scan_tab_contents (дата обращения: 05.08.2024).
15. Nassaar Ch. Into the Demon Universe: A Literary Exploration of Oscar Wilde. — New Haven ; L. : Yale University press, 1974. — 191 p.
16. The Wildean. — 1996. — No. 9. — Pp. 15–24 (J. Melville) ; 2011. — No. 39. — Pp. 2–25 (J. A. Quintus) ; 60–110 (H. Schroeder). — URL : <https://www.jstor.org/journal/wildean> (дата обращения: 05.08.2024).

References

1. Valova O. M. Literary creativity of romanticists in the perception of Oscar Wilde. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina* [Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, iss. 1 (66), pp. 94–101. (In Russian).
2. Valova O. M., Reshetov V. G. *Filosofiya tragediy Oskara Uaylda: monogr.* [Philosophy of the tragedies of Oscar Wilde: monogr.]. Kirov, Vyatka State Univ. Publ., 2023, 342 p. (In Russian).
3. Lukov Vl. A., Solomatina N. V. *Fenomen Uaylda: monogr.* [The Phenomenon of Wilde: monogr.]. Moscow, National Institute of Business Publ., 2005, 216 p. (In Russian).
4. Raud N. P. Features of the figurative structure of O. Wilde’s poem “Ravenna”. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. “Filologiya. Zhurnalistika”* [Bulletin of the Voronezh State University. Ser. “Philology. Journalism”]. 2006, iss. 2, pp. 122–127. (In Russian).

5. Wilde O. *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. Transl. from Engl.]. Moscow, Respublika Publ., 1993, vol. 1, 559 p.; vol. 2, 543 p. (In Russian).
6. Wilde O. Ravenna. *Ballada Redingskoy tyurmy* [The Ballad of Reading Gaol]. Transl. by O. Koltsova. Moscow, AST Publ., 2024, 256 p. (In Russian).
7. Wilde O. *Sad Erosa* [The Garden of Eros]. Available at: <https://poperechny.net/stihi/sad-erosa.html> (accessed: 05.08.2024). (In Russian).
8. Wilde O. *Stikhi: sb.* [Poems: collect.]. Comp. by K. Atarov. Moscow, Raduga Publ., 2004, 384 p. (In Russian).
9. Ellman R. *Oskar Uayld: biogr.* [Oscar Wilde: biography]. Transl. from Engl. by L. Motylev. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 2000, 688 p. (In Russian).
10. *Collected works of Oscar Wilde. The plays, the poems, the stories and the essays including De Profundis.* L., Wordsworth Edition Limited, 1997, 1098 p.
11. Elfenbein A. *Byron and the Victorians.* Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2004, 285 p. Available at: <https://archive.org/details/byronvictorians0000elfe/mode/2up> (accessed: 05.08.2024).
12. Fortunato P. L. *Modernist aesthetics and consumer culture in the writings of Oscar Wilde.* NY, L., Routledge, 2007, 162 p.
13. Knox M. *Oscar Wilde: A long and lovely suicide.* L., NY, Yale Univ. Press, 1994, 185 p.
14. McGann J. J. Hero with a Thousand Faces: The Rhetoric of Byronism. *Studies in Romanticism.* 1992, vol. 31, iss. 3 “Byron’s Sardanapalus”, pp. 295–313. Available at: https://www.jstor.org/stable/25600964?read-now=1&seq=2#page_scan_tab_contents (accessed: 05.08.2024).
15. Nassaar Ch. *Into the Demon Universe: A Literary Exploration of Oscar Wilde.* New Haven, L., Yale Univ. Press, 1974, 191 p.
16. *The Wildean.* 1996, iss. 9, pp. 15–24 (J. Melville); 2011, iss. 39, pp. 2–25 (J. A. Quintus); 60–110 (H. Schroeder). Available at: <https://www.jstor.org/journal/wildean> (accessed: 05.08.2024).

Информация об авторе

Валова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета.
Сфера научных интересов: английская литература, новая драма, творчество Оскара Уайльда.

Information about the author

Valova Olga Mikhailovna — doctor of philology, professor in the Department of Russian and Foreign Literature and Literature Teaching Methodology at Vyatka State University.
Research interests: English literature, modern drama, Oscar Wilde’s literary works.

Статья поступила в редакцию 12.06.2024; принята к публикации 20.08.2024.
The article was submitted 12.06.2024; accepted for publication 20.08.2024.